

ствовавшие генералы, сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою, что у него волосы становятся дыбомъ при мысли, что Москву рѣшаютъ сдать. Прочіе изъ названныхъ мною генераловъ также высказали мнѣ свое огорченіе по этому поводу. Мнѣніе генерала Барклая о необходимости дальнѣйшаго отступленія раздѣляли генералъ Раевскій и графъ Остерманъ; послѣдній высказалъ, между прочимъ, мысль, что можно было бы защищать Москву, „если бы генералъ Беннигсенъ могъ гарантировать намъ побѣду надъ непріятелемъ“. Я отвѣчалъ, что это было бы слишкомъ много требовать отъ человѣка, и что мы должны скорѣе возлагать надежду на храбрость и опытность нашихъ генераловъ. Князь Кутузовъ рѣшилъ, наконецъ, вопросъ своею властью, высказавъ свое твердое желаніе отступить. Когда я увидѣлъ, что рѣшеніе сдать Москву безъ боя было принято до военнаго совѣта, что мнѣнія, высказанныя генералами, не заносились даже въ протоколъ, и что на совѣтъ не былъ приглашенъ московскій генералъ-губернаторъ графъ Ростопчинъ, тогда какъ его увѣряли еще въ тотъ день утромъ, что столицу будутъ защищать до послѣдней крайности (при свиданіи Кутузова съ Ростопчинымъ

Французы подъ Можайскомъ.

въ деревнѣ Мальсонова, въ 25-ти верстахъ отъ Москвы), то я рѣшилъ уѣхать изъ совѣта. Приѣхавъ домой, я записалъ прежде всего то, что было рѣшено на совѣтѣ. Его Высочество герцогъ Виртембергскій отправился по окончаніи совѣта къ князю Кутузову, чтобы высказать ему свой взглядъ относительно сдачи Москвы и возможности оборонять столицу. Я былъ приглашенъ присутствовать на этомъ совѣщаніи и поѣхалъ туда, но все осталось попрежнему“.

Словомъ, Москву не только оставили безъ боя, а просто бросили, такъ какъ извѣстно, что москвичи не успѣли вывезти ни своихъ сокровищъ, ни церковной утвари, ни домашней обстановки, ни товаровъ, ни хлѣба. Даже арсеналъ оказался невывезеннымъ.

Все это произошло отъ несогласія Кутузова съ Ростопчинымъ. Оба умные, они не нашли ничего лучшаго, какъ пикироваться и не довѣрять другъ другу въ то время, когда городъ ждалъ отъ нихъ защиты, или откровеннаго совѣта выѣзжать. Кутузовъ, который, по словамъ Репнина, „доступенъ былъ всякому, но котораго сердце недоступно никому“—конечно, много, не менѣе Ростопчина, выстрадалъ между Бородинымъ и Москвою, и если рѣшилъ сдать столицу непріятелю, то потому, что другого исхода ему не представлялось. Если Кутузовъ поступилъ недовѣрчиво и лукаво съ Ростопчинымъ, то и послѣдній слишкомъ надменно требовалъ „объясненій“ отъ „старой кривой бабы“, какъ онъ называлъ Кутузова.